

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 821.512.212-1:398

Имагинативный аспект поэзии Алитета Немтушкина

Жулева А.С.¹

Аннотация. Статья посвящена раскрытию тайн мировидения эвенков (тунгусов), осмыслению имагинативного аспекта поэзии. Выявляются особенности мифомышления эвенкийского поэта Алитета Немтушкина в соотношении с творчеством. В статье рассматриваются вопросы влияния эвенкийских мифов и фольклора, традиций и обрядов на поэтическое воображение, роль мифологем в создании образов.

Ключевые слова: эвенки (тунгусы), эвенкийская литература, мировидение, имагинативный аспект, сакральность, образы, мифологемы.

The imaginative aspect of Alitet Nemtushkin's poetry

Zhuleva A.S.¹

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the secrets of the Evenk (Tungus) worldview, to the understanding of the imaginative aspect of poetry. The features of the mythology of the Evenki poet Alitet Nemtushkin are revealed in relation to creativity. The article discusses the influence of Evenk myths and folklore, traditions and rituals on the poetic imagination, the role of mythology in the creation of images.

Keywords: Evenki (Tungus), Evenk literature, worldview, imaginative aspect, sacredness, images, mythologems.

¹Жулева Альбина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация.

Zhuleva Al'bina Sergeevna. Candidate of Science (Pedagogical), Senior Researcher of Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences. Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russian Federation.

E-mail: aswjas08@rambler.ru

© **А.С. Жулева**

Эвенкийский поэт Алитет Немтушкин (1939–2006) своему кумиру Александру Пушкину (1799–1837), предсказавшему в стихотворении «Я памятник воздвиг себе нерукотворный»: И назовет меня всяк сущий в ней язык/ И финн, и ныне дикий тунгус», почти через полтора века подтвердил его гениальное пророчество:

Я тот «дикий тунгус»
И живу нараспашку.
Людям сердцем открыт,
И тайге, и зверью.
(стих. «Не могу я представить...», пер.А. Щербакова)

Строки стихотворения Александра Пушкина, написанного за полгода до гибели, глубоко залегли в душу поэта-тунгуса Алитета Немтушкина. Он мог прочитать его на эвенкийском языке уже в школьные годы – стихотворение было переведено с русского языка поэтом Алексеем Платоновым уже в 1937 году. Эвенкийский поэт А. Платонов не только перевел, но и написал свое стихотворение – ответ Пушкину: «Пушкин, Пушкин! В этот миг // Посмотри, поэт великий, / Труд твой ныне оживает / В звуках, радостно звенящих».

Подобно предшественнику, властителю дум северных поэтов, Александру Пушкину, который изучал лекции братьев Шпегелей, поднимавших вопросы «аурного освещения», и воплотил, например, в герое Евгении Онегине духовное видение («Он меж печатными строками / Читал духовными глазами / Другие строки...»), а также осваивал былые времена русских, их устное народное творчество, Алитет Немтушкин пытался

заглянуть в прошлое тунгусов, разгадать его, воссоздавая свою родословную и историю эвенков (1), представить культуру в далекие времена и понять ее символику в недавнем и настоящем времени. При этом он основывался на мифах, легендах, сказаниях, а также обращался к собственному опыту, размышляя о традициях, обрядах сородичей, изучал материалы этнографов. Стремление приобщиться к сакральным знаниям сопровождало поэта всю жизнь. И в конце своего жизненного пути он не раз вспоминал о шаманке Синкоик (Сынкоик), своей тете, намекая о собственной генетической предрасположенности к овладению некими тайными знаниями, которые, естественно, предполагают также и развитие особого видения, в том числе «аурного зрения»(2), чтобы пронизывать имажинативным взглядом бытовую действительность.

Выразительный образ таинственной Синкоик проходит через ряд произведений Немтушкина. Даже имя Алитет (при рождении он получил имя Альберт) возникло не без отраженного влияния этой необычной женщины, которая существовала в реальной жизни и была окружена различными легендами из-за своего своеобразного поведения и способностей. Она слыла шаманкой, отличившейся не только гуманными действиями, например, лечила людей, за что сородичи ее уважали, но и недобрыми делами, из-за которых окружающие испытывали перед ней страх. Родственники посоветовали уезжавшему на учебу в Ленинград Альберту Немтушкину сменить имя, чтобы шаманка не смогла найти студента для каких-то возможных коварных действий против него, вероятно, из-за непредсказуемости ее характера. Воздействие на человека через его имя было возможным в представлениях эвенков, не считалось фантастической выдумкой, оно предполагало имажинативную связь человека с именем. Изменение имени на протяжении жизни было типичным явлением, поскольку, по мнению эвенков, в имени содержится часть души. Его не должны знать посторонние люди или те, кто может наслать злых духов.

«Тетке Синкоик, бывшей шаманке», так назвал Немтушкин стихотворение, в котором образно представил ее шаманские секреты, изобразив их как несбывшиеся мечты лирического героя, изложенные от первого лица. Синкоик не смогла в силу сложившихся обстоятельств откровенно передать герою, как наследнику, тайны сакральных действий, но тот в

детские годы затаенно следил за ее мастерством, и теперь в его воображении предстают картины запомнившихся шаманских деяний в собственном исполнении. Одна из них – камлание с целью изгнания болезни:

Я вызвал бы Харги (З),
Мне б змеи его помогали,
Я б Доброго Духа,
Лишь мне захотелось, призвал,
Мы с черным оленем
Полсвета бы обскакали,
Мы с лосем-красавцем
Прошли бы любой перевал.

Автор восстанавливает в воображении мистические действия шаманки, в которых участвуют как ирреальные для сознания современного человека, но близкие сохранившемуся у эвенков мифомышлению, духи, так и сакральные животные-помощники: отличающийся особой красотой белый лось и черный олень. Продолжая поэтическое описание камлания, поэт привлекает сакральную птицу гагару: «Я плакал бы кровью / Священной птицы гагары». Сакральность, таинственность гагары определена издревле эвенкийскими космологическими мифами о происхождении земли. В одном из вариантов мифов о сотворении мира именно гагара, нырнув в воду, принесла кусочек глины, который и заложил основу земной тверди.

Лирический герой стихотворения Немтушкина представляет себя владеющим сверхъестественными силой и удалью эпических героев: «Летающие стрелы и копья / Бесстрашно глотал». Как настоящий народный герой, он видит себя способным переплыть моря и достать до звезд, при этом уйти «от болезни и кары» и победить смерть.

Поэт воспроизводит в стихотворении дерзновенные юношеские мечты, которые наполнены фантастическими грезами, жадной добрых устремлений и подвигов. Герой мысленно объединил три мира, предполагает обратиться и к духу нижнего мира, и к верхнему доброму духу, чтобы помогли совершать подвиги на срединной земле во имя улучшения жизни людей. Этот поэтический порыв к единению близок шаманской устремленности к слиянию со всей Вселенной. У героя проявляется желание «внутреннего человека» стать

идеалом человеческой жизни – быть сильным телом и духом, способным победить человеческие беды и несчастья.

Избрав пределом совершенства чародея, волшебника, умеющего и способного сотворить много добра для людей, герой объявляет людям: «Я – шаман!» В этой фразе звучит нетривиальное желание поэта самому приобщиться к сакральной силе. При личных встречах Алитет Немтушкин нередко повторял слова героя, соотнося с собой, перенося на себя. Создавалось впечатление, что он уверовал в наличие у себя мистических сил, и они споспешествовали ему. Как утверждают некоторые ученые, «особенно сильные желания и ясные мысли создают себе собственный энергоинформационный полет. Они как носители определенного кода и резонанса (точнее, закодированной информации), излучаясь от ауры в пространство, достигают независимого» существования. Так, Я.Э. Голосовкер, определяя имагинацию как первоначально заложенную в человеке разумную творческую силу, утверждал, что эта сила, породившая миф, «действует в нас и по сейчас, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде» (4).

В творчестве Немтушкина отражен постоянный поиск морально-положительных имажинативных идей человека совершенного, способного выразить с помощью художественного вымысла вековые чаяния народа, поддержать и направить на истинный путь.

Алитет Николаевич Немтушкин (1939–2006) родился в деревне Токма (стойбище Ирэскит) Катангского района Иркутской области в семье охотника. Учился на северном отделении пединститута им. Герцена в Ленинграде. Окончил Высшие литературные курсы в Москве (1975). Трудовая и творческая деятельность были связаны многие годы с Эвенкией. Здесь он работал корреспондентом газеты «Красноярский рабочий», редактором Эвенкийского радио. В 1990 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации»; а в 1992 году он был отмечен Государственной премией Российской Федерации в области литературы.

В начале творческого пути поэту во многом споспешествовал профессор М.Г. Воскобойников, фольклорист, изучавший эвенкийский быт и устное народное творчество забайкальских эвенков, просветитель, переводчик с

эвенкийского языка, наставник многих зачинателей и создателей эвенкийской и других литератур народов Севера. Не без его поддержки Немтушкин стал участником 1-ой Всесоюзной конференции писателей Севера, которая проходила под Ленинградом в марте 1961 года. В 1969 году он был принят в Союз писателей СССР.

Первый сборник стихов Немтушкина вышел на эвенкийском языке «Тымани агиду» (Утро в тайге) в 1960 году. На эвенкийском и русском языках изданы в Москве и Красноярске поэтические сборники «Судьбы начало», «Запахи тайги» «Костры моих предков». Стихи он писал, в основном, на родном языке, а прозу на эвенкийском и русском.

В своем воображении Немтушкин пытался увидеть больше, чем быт, перешагнуть через «голову быта», хотя это было непросто в той реальной историко-социальной обстановке, в которой он жил. Это были годы отречения от веками установившегося бытования кочевников, мастеров традиционного промысла, годы осуждения и даже искоренения традиционных обычаев и взглядов на мир. Годы надлома, перехода на иные рельсы жизни. И хотя разглядеть настоящее, оценить и разделить позитивные и негативные явления оказалось непросто, и литератор порой возвеличивал то, что оказалось по прошествии лет негативным для бытийности народа.

В стихах Немтушкина можно услышать горечь воспоминаний о том времени, когда произошла «раскристаллизация» чувств любви и доверия к вековым традициям и установившемуся бытию. Изменились социально-культурные установки, жизнь в чуме была подвергнута гневному осуждению, даже презрению и насмешкам, о чуме перестали заботиться. Прошло время, наступило прозрение: оказалось, что чум был «хорошим старым другом, / в обиду не давал смертельным вьюгам». Воображение вернуло поэту теплые чувства к родному жилищу:

О, старый чум, застывший на пригорке,
За что упрек тебе я бросил горький?
Что ты плохого в жизни сделал мне,
Мой старый чум над речкой Суринне?..

«Под бубен над Токмой моей // Жизнь прошлая наша // Бесследно куда-то умчалась», – размышляет поэт. В ушедшем в лету детстве видит он уже не только страдания и горести, а упущенные возможности стать более значимым для своего родного края, для людей, здесь живущих. Любовь к родному и близкому, кровному пробуждается в окружении людей и природы родных мест.

Душой поэт многократно тянулся к «тропинкам детства, в места, где родился, где была молодою мать, где все «дорого и свято». Обыденная жизнь его была активной, забрасывала в разные края. Пролетая над Сибирью, он писал, что «когда душа взрослеет, / Пусть чужой костер и жарче, / Нас он все же не согреет». Поэт сожалеет о жизненной зависимости от обстоятельств:

Мне сейчас бы надо в Токму,
Я смотрю в оконце с грустью,
Мне б лететь сейчас к истоку,
Почему лечу я к устью?
(«Мне сейчас бы надо в Токму...», пер. З. Яхнина)

В творчестве Немтушкина нашли свое отражение представления о слиянии с природой, с одной стороны, и стремление овладеть ею, с другой. Сливаясь с ней и овладевая силами природы изначально лишь в воображении, человек издревле поддерживал в себе веру в достижении желаемого, прежде всего, в поддержании и спасении своей жизни и жизни своего рода. Для мифологического сознания воображаемое способствовало изгнанию страха перед стихиями и животным миром, укрепляло дух и способствовало выживанию.

Алитет Немтушкин активно участвовал в развитии литературного эвенкийского языка, пытаясь объединить разные диалекты и говоры. Владея с детства токминским говором восточного наречия, он на письме, при создании произведений, расширял (обогащал) его за счет включения слов и словосочетаний из других территориальных диалектов. Установка на сохранение эвенкийского языка прозвучала уже в начале творческого пути, в первых изданиях, в частности, стихах сборника «Песни эвенка», вышедшего в Красноярске в 1962 году.

Коль забуду родную речь,
Песни те, что поет народ,
Для чего же тогда беречь
Мне глаза, и уши, и рот?..
(Стих. «Земле моей»)

Мифы, эпос, сказки, песни, впитанные Немтушкиным с детства, познаваемые в последующие годы, пробуждали воображение, создали мифопоэтическую основу для его произведений. «Я песни протяжные прадедов сердцем ценю, / Те песни близки мне./Какая тоска в них и страсть»- писал он в стихотворении «Сородичам». «Литература начинается со сказок» – подчеркивал он в конце жизненного пути (5).

Эстетика мифа – имагинативное (воображаемое) бытие. Миф отражает то, как человек в прошлом далеком бытии в своем воображении. сливаясь с природным миром, с животными, стремился овладеть их силой, укреплял таким образом свою надежду на осуществимость желаемого, развивал свои волю и дух при поддержке песен и заклинаний.

В поэтическом воображении Алитета Немтушкина природа предстает не просто одухотворенной, человек сопричастен ей. Так, лирического героя в стихотворении «Родина моя» сибирская земля зовет вернуться домой, притягивая устоявшимися в сознании и воображаемыми картинами пантеистического рая:

Реки, речки и озера
Из литого серебра.
Точно лоси к водопою,
За горой идет гора.
Ветры гонятся за счастьем...
(пер. М. Борисовой)

В этом стихотворении предстает Эвенкия, которая дорога герою как заботливая мать, поившая его оленьим молоком, подарившая ему чудесные песни.

«Лес со мной танцевал ёхорьё», – уверенно утверждает Немтушкин в стихотворении «Земле моей», раскрывающем тесную связь автора с таежным краем. О некоем соучастии окружающей природы в исполнении этого национального танца пишет поэт. Его представления перекликаются со словами

народной песни-импровизации токминских эвенков, в которой звучат не только слова об участии в танце людей, но и природы: «запели лиственнички», «сосняки начали подпевать», «стланики подниматься начали», «горы стали веселиться».

Песня-импровизация, сопровождающая танец и соревнования охотников, оленеводов отличается, по мнению музыковедов, удивительной организованностью, даже «метрической аккуратностью». «Ни у кого из туземцев Севера мы не наблюдаем подобной четкости и размерности» – писала музыковед Стешенко-Куфтина.

Создавая образы, эвенкийский поэт соединяет в себе чувство, которое греет, и воображение, поддерживаемое фантазией, которое высвечивает картины таинственного прошлого.

Постижение мифопоэтических конструктов в текстах Немтушкина позволяет приобщиться к миру его субъективных переживаний, раскрыть имажинативные особенности автора, специфику национального менталитета, что дает возможность понять своеобразную культурную традицию народа, его историческое развитие.

Мифомышление Немтушкина, как и большинства поэтов и прозаиков народов Севера, в особенности его современников, не утратило под влиянием нового времени и новых представлений древнейшие формы восприятия мира в их синкретизме. Мифологемы птиц и зверей, огня и воды, другие первообразы нередко выполняют функцию знаков-заместителей ситуаций и сюжетов, отражают поэтический космос автора.

Примечания

1. Эвенки (тунгусы), самоназвание эвэнкил – один из малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока (по данным переписи населения 2010 года в России проживает 38 396 эвенков), компактными группами живут в Эвенкийском автономном округе, в Якутии, в Иркутской и Читинской областях и в Хабаровском крае. Вне России около 40 тысяч эвенков живут в Северо-Восточном Китае (в Маньчжурии) и несколько тысяч – в Монголии. У эвенков еще в далеком прошлом сформировались различные хозяйственно-культурные типы – «пешие» (охотники), орочен — «оленные» (оленеводы) и мурчен

— «конные» (коневоды). Эвенкийский язык входит в группу тунгусо-манчжурских языков.

2. Аурное зрение даёт общую картинку по большому диапазону глубин. Это похоже на расфокусированный взгляд глазами, когда не нужны детали, но важно уловить общую форму. Подробнее об этом явлении смотри статью «Аура» (Рамблер. адм 23.01.2016), написанную академиком Тодором Дичевым, доктором философии и медицины. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/97903/22/1996_1%281%29.htm (дата обращения: 1.10.2016)

3. Харги – дух-хозяин нижнего мира, старший брат Сэвеки, хозяина верхнего мира.

4. Голосовкер Я.Э. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер // Приложение: Акад. Н.И. Конрад о труде Я.Э. Голосовкера. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. С. 9.

5. Немтушкин А. Литература начинается со сказок / А. Немтушкин // Аргументы и факты на Енисее. 2003. Сентябрь (№ 36). С. 3.

Список литературы и источников

1. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнологические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.

2. Три главы из истории поэтики Александра Веселовского. СПб., 1899. Глава «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов».

3. Кессиди Ф. От мифа к логосу. М., 1972.

4. Хазанкович Ю.Г. Традиции эвенкийской песни в поэзии Алитета Немтушкина // Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности. Кызыл, 2010. С. 112-114.

5. Эвенкийские героические сказания / Составитель А.Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990.